

Насима / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Насима / рассказ НАСИМА

Чистый воздух после дождя ещё больше приподнял настроение невестке. Нежная улыбка сопровождала её всё время, пока она была во дворе. Лёгкие наполнял запах влажной почвы после мелкого дождя. Насима с наслаждением вдыхала этот свежий глоток воздуха, крепко сжимая в одной руке веник, а другой – прикрывая воротник. Странно, что же заставило эту молодую женщину так долго улыбаться? Ведь улыбка прямо-таки застыла на её губах! Длинные, до пояса, тонко сплетённые косички мешали ей, свисая то с одной стороны, то с другой, будто пытаясь разглядеть эту милую улыбку. А лёгкий ветерок даже не поспевал за невесткой. Насима сняла пенку с только что закипевшего бульона на очаге, затем разложила вымытую посуду на деревянном топчане. А когда на горизонте показалось смущённое солнце, распуская свои золотые косы-лучи, она, сильно встряхивая, уже развешивала на бельевую верёвку постиранную одежду разной формы. Насима вытерла пот со лба и только села на вторую ступеньку приставной лестницы, как послышался голос из дома: – Невестка, э-эй, невестка! Ваш Султан проснулся. Бегите к нему.

Невестка встрепенулась. Растерянно оглянувшись по сторонам, она подбежала к очагу. Потянула вниз полусгоревший обрубок дерева из-под казана. Затем, несколько раз обернувшись назад, зашла в дом с крыльцом и розовыми занавесками. Изнутри раздался злой, обиженный младенческий плач. Невестка повисла над колыбелью. Наконец-то она отдохнёт. Она блаженно закрывала глаза, чувствуя боль в жилах, когда кормила дитя, изредка прикрывая колыбельным покрывалом грудь от старушки, пришедшей помогать ей в течение всей чилли. От взгляда младенца, жадно сосущего мамину грудь, вся вселенная становилась краше и чище, как воздух после проливного дождя.

...

Когда Насима попала в родильный дом, разродилась овца, а коза родила аж двойню. Поговаривали, что Султан будет благословенным ребёнком. Когда она вернулась в дом с новорожденным, ягнёнок и козочки уже скакали по двору. Впервые благополучно разрешившаяся невестка была на седьмом небе от счастья, весела и мечтательна. Она старалась быстрее закончить с домашними хлопотами, чтобы подольше оставаться с сыночком. Но возле колыбели всё время, не отходя ни на шаг, находилась свекровь, которая своим пристальным взглядом наблюдала за Насимой, будто экзаменовала её. Поэтому невестка не могла долго находиться рядом с ребёнком под натиском испытующих глаз старушки и снова уходила заниматься домашними делами. Вечером, когда Насима приготовила вёдра, чтобы подоить корову и коз, она замороженно застыла, наблюдая за телёнком, который с пеной на губах и с наслаждением сосал вымя коровы.

– Тяните телёнка быстрее, а то он всё молоко выпьет. Корова ведь тоже мать, думает о своём ребёнке. Зря что ли мы её держим, нашим детям тоже нужно молоко. Скорее завяжите телёнка на кол. А то, небось, мать снова подставит своё вымя дитё. Эх, столько молока зря потеряли! Не даёт? Тогда снова покормите телёнка, а как покажется молоко, оттащите его.

Насима посмотрела на старушку Рукию, которая дрожащим и немного грубоватым голосом давала указания и у которой ноги дрожали также, как у этого телёнка. Невестка улыбнулась и привязала теленка к колу.

– Будьте проворнее, у вас ещё чилля, вы должны всё успевать до захода солнца. Была бы я здоровая, как раньше, не позволяла бы вам двигаться все сорок дней. Согнувшись в форме вопросительного знака, старушка наклонилась над арыком и, сполоснув руки в журчащем арыке, зашла в дом. Насима, пропуская молоко через марлю, смотрела на телёнка и козлят и думала: «Почему они с самого рождения становятся на ноги, а человеческий ребёнок, как минимум, только через год? А ещё мы отбираем у них молоко. Вот если бы и её сыночек тоже пошёл, выбегал встречать отца после работы...» Насима смутилась от своих мыслей. Хорошо, что никто не ведаёт о них.

– Смотрите, чтобы одежда ребёнка не оставалась на улице. Не то

плохо будет.

После этих слов старушки она вернулась обратно и собрала всё бельё с верёвки.

– Если вдруг забудете детскую одежду на улице, не вносите её в дом, подождите до рассвета.

Насима не стала расспрашивать, что будет если... Ясно одно – будет плохо.

С двух сторон колыбели они вдвоём смотрели на дитё. Одна тяжело вздыхала, другая – глубоко. Одна думала о том, когда же он вырастет и станет большим, другая задавалась вопросом: «Увижу ли я его свадьбу?». Ребёнок был равнодушен и к сверкающим глазам мамы, и к потускневшему взгляду между морщин прабабушки. Вместо этого он разглядывал камень от сглаза, который висел на колыбели над его головой. В комнате, где всё пропахло едким запахом гармалы, словно противостояли друг другу такие понятия, как удивление, опыт и годы. Но бывают такие чувства, которые не меняются испокон веков. Они-то и заставляют смотреть в одном направлении этих двух женщин, объединяя их одной целью.

– До замужества я жила в двух часах езды отсюда. Подруга вышла замуж раньше меня, и когда её спросили, есть ли в её деревне хорошие девушки, указала, проклятая, на меня. Если бы не она, я бы прыгала как лань по горам. Возможно, меня похоронили бы на кладбище рядом с моими родителями. Хотя и жили мы всё это время в одном кишлаке, но с подругой не удавалось повидаться даже раз в месяц. Раньше, когда мы были молодыми, нас иногда возили в родную деревушку. А затем перестали – у всех появились свои заботы. Подруга после смерти мужа сошла с ума. Её ловили на горных тропинках, когда она босиком убегала из дома. И не нашлось ни одного внука, который сказал бы: «Давайте ей покажем родной кишлак. Смотрите, как она стремится в горы. Возможно, она выздоровеет, если увидит отчий дом». Вот уже тридцать лет, как она овдовела, и с тех пор её ни разу не свозили в горы. Эх, доля наша женская! А ведь и у нас, у старушек, бьётся сердце! Нам не пристало считать дни до кончины. Подруга и сама пострадала, и меня лишила тёплого

места. Хочу поговорить с ней, но она же умалишённая, – старушка покрутила пальцем у виска. – Она видела моих родителей, поэтому мне хочется посидеть с ней, поболтать, вспомнить молодость. Слава Богу, я вырастила своих детей послушными. Моё слово для них закон. Невестки не смеют и фыркнуть на меня, не то получают своё.

– А как вы их наказываете, бабушка? – спросила невестка, лукаво улыбаясь.

– Хотите знать? Вам не помогут ни ваши чёрные бровки, ни это милое белоснежное личико, ни ваши длинные косы. Я отправлю вас в горы. Там у меня сестра живёт. Она настолько суетливая и говорливая, тощая как курага, которую она сушит у себя в доме. Она трудится без отдыха: то курт делает из сушёной простокваши, то раскладывает на солнце фрукты. И всё время ворчит и ворчит. От бесконечного труда оттуда невестки возвращаются никакие.

– Наверное, там красиво? – перебила невестка ход мыслей старушки.

– Да-а, места такие невероятные. Не случайно моя подружка сошла с ума. Человек, хоть раз побывавший в тех местах, старается ещё раз вернуться туда. А какой там воздух! Там словно дышится не лёгкими, а сердцем. Давно это было, брат ушёл на войну. Через три года, не получив от него ни весточки, мы уже мысленно похоронили его. Но однажды он вернулся с фронта с русской женой. У неё волосы были распущенные, плечи открытые. Самая настоящая кукла. Заметив, что все любуются ею, я рассердилась, вынесла из дома большой цветастый платок и укрыла им её плечи. Брат сказал ей: «Здесь трудно жить». Она заплакала. Покойный мой отец сказал, что русская жена детей не родит. В ответ девушка, указывая на окруживших её женщин, воскликнула: «Нарожаю десятерых, как вот они! Только не гони меня. Люблю тебя, жить без тебя не могу. И природа здесь красивая. Не уеду отсюда».

Я думала, что благодаря этой русской снохе, научусь русскому языку, а она, в свою очередь, выучилась узбекскому и, как обещала, нарожала десятерых детей. Звали её Марией, а мы на свой лад стали называть её Марзия-янга. Она стала одеваться

как мы, приняла нашу религию. Пять раз в день молилась. Даже когда шестьдесят лет ей исполнилось, люди всё ещё ждали, что она бросит всё и уедет. Но она оказалась стойкой. Возила дрова на ишаке, выполняла всю ту работу, которой занимались горные женщины. Оказывается, во время войны она потеряла всех родных, а мой брат спас её от смерти. Так вот, невестушка, человек, хоть раз в жизни повидавший горы, не променяет их ни на что. Когда она пела колыбельную, мне почему-то хотелось плакать. И хотя она пела по-русски, было что-то родное, похожее на колыбельную моей мамы. Вот почему говорят, что голова бабы, что стенобитное орудие. Бедняжка, она ни разу не смогла съездить на родину. Женщины, прошедшие войну, были какие-то особенные.

– Бабушка, я теряюсь в мыслях после каждого вашего слова. Когда-нибудь и меня с моим Султаном отправьте в эти горы в ссылку, – сказала невестка, нежно протирая между пальцами ребёнка.

Несмотря на то, что старушка Рукия смотрела на внучатую невестку, было видно, что она мысленно блуждала где-то высоко в горах.

– Бабушка, вам постелить? В какую сторону подушку положить? Насима взяла из литровой банки ложку смеси, которую приготовила свекровь, пожарив на льняном масле до густо-красного цвета, и поставила греть на плиту. Она обязана была выпить эту мучную похлёбку, не то после чилли будет беспокоить поясница. Затем постелила четыре курпачи из духобы, сверху застелила цветастой простынёй и, поправляя её, застыла с подушкой в руке, уставившись на старушку, которая, еле заметно шевеля губами, задумалась так, будто решала сверхважную задачу. Она словно ещё больше уменьшилась в размерах.

– Невестушка, это кыбла. Нельзя спать ногами в эту сторону. Насима поспешно положила подушку на другую сторону.

– Нет, невестка, нельзя. На этой стороне есть гора. Мой родной кишлак, где могилы моих предков. Там похоронены мои родители. Как я могу в эту сторону протягивать ноги? Стыд и позор, – сказала старушка, приложив указательный палец к щеке. Насима

снова взяла подушку и стала ждать её ответа.

– Не ставьте, на этой стороне Самарканд, родина святых людей. А на этой стороне – Шахрисабз, где покоятся великие личности. Невестка положила подушку посередине.

– По мере старения не знаю, куда растянуть ноги.

Старушка поджала ноги и, свернувшись калачиком, легла на боку.

– В этом мире, пока не помрёшь, невозможно свободно размять ноги. Приходится думать над каждым шагом.

Насима удивлённо уставилась на старуху:

– Бабушка, почему бы вам просто не попросить прощения у Бога и растянуться свободно. Только не делать этого в сторону киблы.

– Откуда мы узнаем, простит он или нет?! Умышленный грех – это плохо, я вам скажу. Может быть, это и не грех, невестка, но мы родились в таком месте. Нас окружают святые места. Важно думать, прежде чем действовать.

Насима с сожалением смотрела на старушку, которая, как высушенное дерево с опавшей листвой, с телом, состоящим из кожи и костей, со страхом ступала на землю. А ведь свекровь и муж привезли эту маленькую дряхлую старушку, чтобы она заботилась о ней и её ребёнке и охраняла чиллю.

В этот же день Насима стала думать о вещах, которые раньше и в голову ей не приходили. Как всё-таки загадочны эти старики. Трудно понять многие их действия. Возможно потому, что Насима работала в отделе социального обеспечения, она поняла, что чем старше становится человек, тем больше он становится капризным и привередливым. Однажды к ней пришёл какой-то пенсионер светлой наружности, чистенький, в галстук, с виду похожий на учителя, и попросил её:

– Доченька, я вас отблагодарю, только добавьте к моей пенсии ещё десять тысяч сумов.

– Вашу пенсию подсчитали согласно вашему трудовому стажу. Мы не можем её изменить.

Старик покраснел и ушёл, покачав головой. Не прошло и пяти минут, как заявила пухленькая смуглая женщина, с крашеными в чёрный цвет бровями и глазами, с пучком волос на затылке и дамским мешочком с блёстками под мышкой. Она тоже принялась

упрашивать:

– К вам большая просьба. Из моей пенсии...

Насима перебила женщину:

– Опажон, я не могу прибавить к вашей пенсии ни копейки.

– Нет, я пришла к вам не за этим. Наоборот, вычтите с моей пенсии десять тысяч сумов.

Насима удивённо поморгала ресницами, недоумённо уставившись на женщину:

– Зачем?

– Дело в том, дорогая, что мы с мужем работали учителями в одном учреждении и оттуда же вышли на пенсию. Я, конечно, ушла с работы чуть раньше. А в этом году и муж стал пенсионером. Оказалось, что его пенсия на десять тысяч сумов меньше моей... Женщина всплакнула. – Муж должен зарабатывать больше жены. Поэтому у него нет настроения. Он только что вышел от вас. Я незаметно проследила за ним, гадала, что это он ходит грустный такой. Пожалуйста, вычтите у меня эту сумму и добавьте ему или же вовсе уберите у меня эти лишние десять тысяч. Я не хочу, чтобы из-за такой мелочи мы переругались с мужем.

Тогда вся контора обсуждала их. Ай да старики! Каждое их слово не напрасно. Вспомнив эту историю, Насима улыбнулась. Она накрыла съёжившуюся старушку лёгким одеялом из пуха.

Она тоже засуетилась, думая, куда бы голову положить. С этой стороны... Но усталость всё-таки взяла верх. Старушка, улыбаясь, смотрела на невестку, которая заснула, облокотившись на колыбель. Она вспомнила свою молодость, свои бессонные ночи. На рассвете она снова улыбнулась...

Хафиза ЭГАМБЕРДИЕВА,
(Узбекистан).

Перевод на русский язык Лиры Пиржановой. Некаʻalar